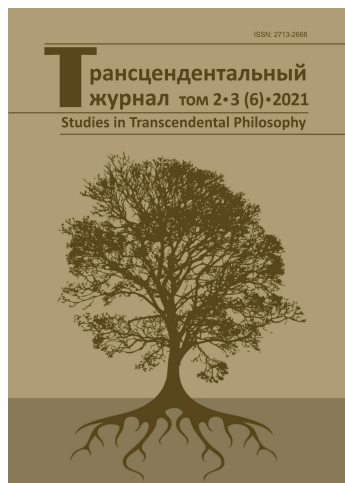




Трансцендентальный журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 3 Том 2. 2021

Эстетика

Сеземан Василий Эмильевич

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 20.12.2021

Ссылка для цитирования:

Сеземан В. Э. Эстетика // Трансцендентальный журнал – 2021. – Том 2. – Выпуск 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://transcendental.su/S271326680018221-3-1> (дата обращения: 14.05.2024). DOI: 10.18254/S271326680018221-3

1 Часть I

2 ВВЕДЕНИЕ

3 1. Эстетика: определение и объект

4 Эстетика – это та часть философии, которая исследует особенность эстетических феноменов и объясняет их сущность и значение. Конечно, это определение только формальное и предварительное. Оно указывает на то, что эстетика является независимой дисциплиной, имеющей свой собственный объект. И на то, что исследуется объект, которому приписывают эстетическую ценность.

5 Сфера эстетики занята, в первую очередь, работами по искусству, поскольку художественное качество произведенных человеком объектов есть не что иное, как их эстетическая ценность. Эстетические ценности также могут быть присущи различным феноменам природы: ландшафту, закату, внешнему виду

человека, форме животных, расцветке бабочек и цветов. То, благодаря чему эстетическая ценность объектов (являются ли они произведениями искусства или природными феноменами) выражает саму себя, мы часто называем их *красотой*. И это причина того, что эстетика также может быть определена как теория красоты. В этом случае мир красоты берется в его самом широком значении, как совпадающий с эстетической ценностью (эстетичностью) и отличающийся от узкого смысла этого термина, который обозначает только определенный вид эстетической ценности. Например, карикатура может быть художественной по своему характеру и тем не менее искажать внешность человека, точно подмечая то, что в ней является некрасивым. Подобным же образом эстетическая ценность картины не уменьшается, если на ней может быть изображен некрасивый или даже уродливый человек. Что красота в узком смысле (красивость) означает и как она относится к эстетической ценности, мы узнаем позже. В общем, в этом курсе мы будем использовать термин «красота» в качестве синонима для эстетической ценности. Таким образом, мы можем сказать, что независимость эстетики покоится на том факте, что красота (в широком смысле) является специфической ценностью, существенно отличной ото всех других ценностей – экономических, этических (относящихся к добру) и теоретических (относящихся к истине), – условием культурного существования и активности человека.

⁶ Специфика красоты – это то, что должен прояснить анализ эстетических феноменов. Один из ее сущностных феноменов проявляется в самом термине «эстетика»; это – греческое слово, означающее (1), что оно относится к сфере чувственных объектов и (2) науку, которая изучает эту сферу. Термин «эстетика» в смысле теории красоты был введен в философию в 1754 году Александром Готтлибом Баумгартеном¹, последователей рационалистической школы Христиана Вольфа. Таким путем Баумгартен желал подчеркнуть то, что красота манифестирует себя только в рамках чувственного мира и тем самым отделяет себя от истины и справедливости (моральной добродетели).

⁷ Из этих соображений следует, что объект эстетики сущностно ценный, это то, что имеет особую ценность (красота). Другими словами, это тот акт сознания, который воспринимает объект и в тоже время его оценивает и распознает его эстетическую ценность. Однако, сама эстетика, как этика и логика, является чисто теоретической наукой; она не оценивает свой объект, а только анализирует и проясняет те условия, от которых зависит ценность объекта. И так же, как этика и логика, она является философской дисциплиной, потому что не ограничивает себя описанием и изучением той или иной области эстетических феноменов, но стремится раскрыть сущность красоты, выявить те основания, которые делают из красоты то, что она есть.

⁸ **2. Сложности для эстетики**

⁹ Поскольку объектом эстетики является значимая вещь, доступная только специальному акту восприятия и оценки, то это вызывает множество трудностей, которые могут быть разрешены в том случае, если мы будем стремиться обеспечить для эстетики прочную научную основу.

¹¹ Если красота является особой ценностью, приписываемой произведениям искусства или феноменам природной и человеческой жизни, то она зависит не только от природы самого объекта, но также от субъекта, который воспринимает объект, постигая и оценивая его красоту. Но оценивающий субъект является непостоянным, изменчивым фактором; в любом случае, это индивидуальное человеческое бытие, принадлежащее специфической исторической эпохе и культуре. Его критерии оценки зависят, прежде всего, от характеристик той эпохи или культуры, ее социальной системы, ее мировоззрения, ее обычаев и ее практических нужд и устремлений. При смене культуры меняются и критерии оценки (стандарты культуры), меняется ее отношение к морали, праву и красоте. То, что одна эпоха считает положительным, другая не признает за таковое, заменяет на новую и, возможно, противоположную ценность. Одним словом, история человечества свидетельствует о том факте, что любая мораль, право и художественные критерии являются относительными и имеют силу только для того или иного исторического периода, только для той или иной культурной сферы.

¹² Впрочем, в сравнении с красотой, моральные и юридические ценности кажутся более устойчивыми и крепкими, поскольку они тесно связаны с нуждами и интересами общества и индивида. Следовательно, в определенных пределах они обладают несомненной объективной силой. У эстетических ценностей, напротив, отсутствует такая прямая связь с нуждами и интересами существования. Кажется, что художественное творчество не ограничено ничем, не является субъектом норм, и творческое воображение и изобретательность наслаждаются безграничной свободой. Следовательно, относительность эстетических критериев, что называется, двойная: они зависят не только от мировоззрения специфической эпохи или культуры, но и от оценивающего субъекта. *De gustibus non est disputandum* (О вкусах не спорят), поэтому эстетический вкус, якобы, есть чисто субъективный материал.

¹³ Но если так, если не только каждый культурный, но и каждый индивидуальный период имеет эстетические критерии, свойственные ему, женщине, мужчине, то поиск простого конститутивного элемента красоты будет напрасным и наука эстетика – невозможной. Это часто высказываемая позиция в отношении эстетики особенно среди тех ученых и философов, которые полагают, что любая теория, претендующая на статус научной, должна следовать по стопам естественных наук и использовать их методы. Если эти методы не могут быть применены в эстетике, то следует признать, что в эстетике отсутствует объективное основание, и она никогда не добьется успеха в признании себя наукой в строгом смысле этого слова. Такая позиция в отношении эстетики, казалось бы, подтверждается ее историей: одна теория красоты противостоит другой, вплоть до настоящего времени не появилось ни одной концепции красоты, которая была бы разделяема всеми.

¹⁴ С другой стороны, художники и поэты также часто относятся к эстетике с нескрываемым скептицизмом. Живое искусство, говорят они, инородно для нее, и эстетика равнодушна к тому материалу, который важен для художника. Это теория, не только не содействующая художественной практике, но даже не предусматривающая нормы красоты такого сорта, которые бы помогали

художественному творчеству в целом, а не противодействовали его свободе. Именно к эстетике относятся слова Мефистофеля: «Grau, teurer Freund, ist alle Theorie, und grün des Lebens Goldner Baum». [«Суха, мой друг, теория, везде, Но древо жизни пышно зеленеет» (Пер. И. Холодковского)].

¹⁵ Справедливы ли эти возражения против эстетики? Проанализируем этот вопрос. Научная эстетика невозможна, или так говорят, потому что красота – субъективная вещь. Но что означает эта субъективность? То, что красота открывает себя только субъекту, который ее воспринимает и оценивает, не предполагает, ведь, сразу то, что акт оценки полностью зависит от субъективных, индивидуальных предпочтений, от настроения и мнения субъекта. То, что зависит от субъективных состояний, может быть также и объективным, если эти состояния заложены в общей природе субъекта или в его сущностных связях с объектом. В этом смысле все значимые вещи культуры объективны, даже если они невозможны без субъекта, который их творит и воспринимает; таким образом они могут стать объектами научного познания.

¹⁶ Конечно, ценность наук существенно отличается от тех, которые изучают чистое бытие, безотносительно оценки, и это отличие зависит от экстраординарной природы их объекта. На этом основании методы оценивающих наук не могут совпадать с методами естественных наук, поскольку это не метод, который обуславливает объект, но скорее здесь объект, который обуславливает метод. Требовать, чтобы этика и эстетика следовали методам естественных наук, значит исследовать эстетические и этические феномены с той точки зрения, которая не позволяет развивать и понимать именно те качества, которые характеризуют эти феномены. В общем, невозможно оценить значение наук согласно стандартам естественных наук, и вопрос, является ли эстетика подлинной наукой, имеющей объективные основания, не может быть разрешен путем ссылки на зависимость красоты от субъекта и исторической относительностью критериев эстетики.

¹⁷ То, что история искусства и его развитие никак не обусловлено просто случайными внешними обстоятельствами и неограниченной игрой художественного воображения, демонстрируется наличием несомненного феномена, известного как стиль. Каждая эпоха имеет свой особый стиль, и так каждый художник и каждый стиль оказываются в определенном органическом единстве, которое, даже если оно различным способом меняется, может быть, пусть и приблизительно образом, определено. Что касается сложностей относительно метода эстетики, то они ничуть не сложнее, чем, например, у этики. Похожие сложности встречаются и в других науках, и даже в естественных науках. Всякий раз, когда они сталкиваются с новым сущностным качеством объекта, необходимо соответствующим образом менять или улучшать сам метод исследования. В общем, при критическом рассмотрении подобных объектов, которое направлено против эстетики как науки, оказывается, что нет каких-либо обстоятельств, которые сделали бы научную эстетику невозможной.

19 Условия, которые склоняют художественные натуры рассматривать эстетику негативно, несколько различны. Частично такое негативное отношение вызвано непониманием, за которое эстетические теории в первую очередь отвечают сами, поскольку часто на теорию красоты распространяют *нормативный* характер. Но эстетика, как мы уже заметили, по своей природе является теоретической наукой, которая никоим образом не должна и не может фиксировать нормы или правила, согласно которым осуществляется художественное творчество. Она должна только разъяснять общие сущностные условия красоты и не может предвидеть все подобные специфические пути и способы, согласно которым эстетические ценности могут быть реализованы.

20 Конечно, критическая оценка произведений искусства – в той степени, в которой она стремиться к объективной значимости – должна основываться (сознательно или нет), и в действительности основывается, на принципах, которые принадлежат эстетике. Но этого далеко недостаточно для обоснования эстетического критицизма; последний будет уместным и плодотворным, только если принимает во внимание творческие интенции художника и способы, которые тот использует, чтобы их реализовать, то есть его художественный стиль и его уникальное воплощение в каждом отдельном случае. В действительности, это был путь, указанный теми художниками, которые интересовались теорией искусства, пытаясь осознать скрытые элементы своего творчества и не применять к эстетике предвзятые философские воззрения (например, Леонардо да Винчи, Готхольд Эфраим Лессинг, Фридрих фон Шиллер и Иоганн Вольфганг фон Гете).

21 Однако, следует признать, что до самого последнего времени эстетика не была тесно и жизненно связана с искусствами и эстетическим опытом в целом. И этот недостаток очевидно неслучаен, но связан с самой природой эстетического объекта. Это может быть объяснено путем сравнения, каким образом теоретическая рефлексия относится к первичным данным естественных или моральных знаний, с одной стороны, и к эстетическому восприятию, с другой.

22 **В. Специфика эстетического опыта**

23 Первичным актом естественного познания является чувственное восприятие или интуиция объекта. Следующим познавательным шагом является анализ, который определяет и отмечает содержание и состав воспринимаемого впечатления. До такой степени, что этот анализ является сознательным и управляется когнитивной интенцией, он относится к рефлексии (абстрактной мысли) в том смысле, что позволяет доводить до сознания и фиксировать, при уважении к восприятию, свои элементы, части и взаимоотношения между элементами и частями. Поскольку анализ раскрывает и показывает только то, что в непроанализированной форме (потенциально) существует в первоначальном восприятии, рефлексия, сопровождающая анализ, не является ни чуждой, ни противоположной этому восприятию, но вытекающей из него абсолютно естественным образом. Другими словами, переход, в естественных науках (внешний мир), от первоначального впечатления к рефлексии, его анализирующей, существенно не меняет отношение сознания, и процесс познания остается на том же уровне.

Мы находим подобную ситуацию в сфере морали как таковой. Хотя этическое поведение основывается на акте не разума, но воли, и побуждающий мотив для этического поведения – эмоционального сорта (стремление к реализации определенной ценности), это все еще то, что решение действовать таким, а не другим способом, восходящее к одному, а не другому мотиву, неизбежно (если ситуация будет завершена) ведет к размышлению и выбору мотивов, то есть возвращается к акту рефлексии. Рефлексия в этом случае получает существенный момент морального поведения; и более добросовестный человек, более сознателен в своих поступках, то есть тем более значительной для него становится рефлексия. Следовательно, и в этической сфере рефлексия может происходить в пределах того же сознательного отношения, на котором основывается и этический аспект.

Эстетическое восприятие относится к рефлексии совершенно другим способом. Наиболее характерной особенностью эстетического восприятия является, несомненно, тот факт, что активная роль здесь принадлежит, по-видимому, не субъекту, но объекту: эстетическое впечатление, красота привлекает, завораживает нас, привлекает все наше внимание так, чтобы мы могли иметь действительно хороший взгляд на это. И чем глубже переживается впечатление, тем сильнее мы попадаем под влияние объекта вплоть до забвения себя самих и всего нас окружающего. Только с большим усилием воли нам удастся вырваться из-под чар красоты и вернуть себе свободу сознания, без которой невозможна рефлексия.

Следовательно, эстетическое восприятие (интуиция) по существу противопоставляется рефлексии, и только когда мы оставим границы формы, только когда мы изменим наше ментальное отношение, можем мы осознать его основание, то есть поднять вопрос о том, каково будущее восприятия красоты, от которого зависит эстетическое значение и ценность. Как только мы начинаем рефлексировать (думать, осознавать), мы чувствуем, что мы уже не можем доставлять себе удовольствие в красоте, которую мы воспринимаем, и что мы смотрим на картину или скульптуру, слушает поэму или музыкальное произведение другим способом. Таким образом, становится понятно, что эстетическое впечатление отмечено исключительной *непосредственностью*, и это такая непосредственность, которая противопоставляется рефлексии, которая по самой своей сути является посредствующим, непрямым действием разума и которая, следовательно, в содействии первоначального эстетического восприятия, изменяет его природу или даже отменяет и упраздняет его. В этом случае чистое, то есть непосредственное эстетическое впечатление является *нерациональным*. Теперь становится понятным, почему эстетика сталкивается с трудностями, которые чужды природе философии, логики и даже этики. Как теоретическая дисциплина она не может обойтись без рефлексии, не может оставаться в тех границах разума, в которых утвердилось непосредственность эстетического восприятия; ее задача – не опыт красоты изнутри, но наблюдение ее со стороны. С другой стороны, участие рефлексии в эстетике должно поддерживать живой и непосредственный контакт с особым опытом красоты, иначе она потеряет из виду объект, исследуемый ею.

Этот отрывок от непосредственного постижения красоты до эстетической рефлексии над ней и сопутствующего изменения в умственном отношении можно сравнить с переводом с одного языка на другой. Это, как хорошо знает каждый опытный переводчик, нелегкая работа; и ее трудность прямо пропорциональна различию внутренней языковой структуры и морфологии. Хороший переводчик, прежде всего, должен прекрасно владеть теми языками, с которого и на который он переводит, то есть он должен не только очень хорошо знать их лексику, но и чувствовать их дух и стиль. И только тогда он будет способен переводимый текст нарядить в такую одежду, которая лучше всего подходит оригиналу, и которая гармонирует с природой переводимого языка.

Аналогичная задача возникает перед ученым, который берется проанализировать сущностные характеристики эстетического восприятия и его объект. Как говорится, он переводит выразительный язык непосредственного эстетического восприятия на логический язык абстрактных понятий, то есть выделяет и определяет в понятиях то, что красота раскрывает перед нами в непосредственном опыте. И как переводчик он должен знать одинаково хорошо оба языка; другими словами, он должен объединять внутри себя и чувствительность к красоте, и способность к теоретическому пониманию и к ясности рефлексии. Подобное сочетание двух различных, не говоря уже противоположных, талантов встречается очень редко; чаще один из них, более выраженный, затмевает другой, и такое положение препятствует дискуссии вокруг эстетических проблем и тормозит прогресс в этой дисциплине². Философ, воспаривший в сферы абстрактной мысли, всегда имеет тенденцию объяснять эстетический феномен с точки зрения схем и понятий, принадлежащих чисто теоретическому мышлению, и тем самым рискует упустить отличительные качества красоты. В то время как художник, не испытав опасностей и соблазнов философской рефлексии, слишком легко поддается чисто субъективной интерпретации или самому содержанию с такими поверхностными атрибутами эстетического впечатления (объекта), которые первыми бросаются в глаза наблюдателю.

Но все эти трудности, даже сущностные, не являются непреодолимыми. Все, что требуется, это кооперация между философами, художниками и историками искусства. Именно последние, в частности, могут внести большой вклад в эстетику. С одной стороны, они располагают всем конкретным материалом, о котором философы в основном имеют фрагментарные знания; с другой, имея отношение к методологии исследования, историкам искусства легче, чем самим художникам, привлечь внимание к тому, что составляет основную особенность произведений искусства и объективно оценить эстетические достижения каждого стиля.

3. Непосредственное эстетическое восприятие – материальный базис эстетики

Из того, что было сказано до сих пор, начинает проявляться тот факт, что сущность красоты может быть адекватно выявлена только при помощи теории, которая основана на непосредственном эстетическом восприятии, то есть, которая черпает материал, анализируемый ею из подлинного эстетического опыта. Но это

– специфический опыт; он не идентичен ни опыту, на котором покоятся науки о природе, ни этическому опыту, так как красота доступна только необыкновенному расположению духа. Если же такого расположения нет, то эстетические ценности становятся нам недоступны, а восприятие (опыт) красоты – невозможен. Если такое происходит, то и эстетическая рефлексия теряет живой контакт со своим объектом. Оторвавшись от своих эмпирических корней, она рискует потеряться в необоснованной структуре и смешать красоту с другими ценностями (например, добром, истиной и т.п.). Историческое развитие эстетики знает много примеров таких теорий, которые ошибаются в виду того, что игнорируют отличительные черты эстетического опыта. Но даже тогда, когда эстетика возникает на основе живого опыта красоты, она все же может поддаться определенной односторонности в ориентировании на ту или иную область искусства (скажем, поэзия или изобразительные искусства) или отдавая предпочтение красоте природы и т.п. Другими словами, очень важно, чтобы диапазон опыта, на котором базируется эстетика, был достаточно широким и охватывал самые разные проявления красоты.

³² И если эмпирический фундамент эстетики является твердым, то теоретическая рефлексия не только не мешает восприятию красоты или его деформирует, но может его углубить и исправить, а также помочь нам развить эстетический вкус. Ибо восприятие красоты не есть неподвижное, как бы жесткое, состояние сознания, но живой процесс, в котором субъект не только одним взглядом воспринимает объект в целом, но, руководствуясь основными признаками произведения, определяет органическую структуру его состава, и, переходя от одной части к другой, понимает хорошо закрепленное взаимодействие всех его компонентов и слоев.

³³ Таким образом, эстетическое восприятие — одновременно и аналитический, и синтетический акт: но обычно отдельные шаги анализа и синтеза воспринимаются нами неосознанно до тех пор, пока мы поглощены суггестивным впечатлением (воздействием на нас) красоты. Это существенный признак эстетического восприятия, который должна использовать теоретическая рефлексия: она должна пролить свет на то, что красота (художественная композиция) показывает, как она раскрывается перед глазами воспринимающего субъекта. Конечно, при анализе объекта в его отдельных компонентах, слоях и частях, рефлексия в этот момент разрушает очарование красоты. Но ее бережная аналитическая работа не напрасна; она способствует последующему воспринимающему действию, придавая рефлексии большую ясность и углубляя ее содержание.

³⁴ Наконец, эстетика сталкивалась с еще одной трудностью, возникающей из характера эстетического опыта. Мы видели, что для того, чтобы эстетический опыт стал возможен, недостаточно наблюдать объект, в котором явлена красота. Смотря на картину или скульптуру, или слушая музыкальное произведение, мы можем и не ощущать их эстетической ценности. Красота должна быть испытана, пережита в экстраординарном акте восприятия. Поэтому эстетический опыт непосредственно доступен только самому воспринимающему субъекту. Другому он может быть передан только непрямым путем – словами, то есть посредством рефлексии, поскольку мы можем выразить эстетическое впечатление, лишь осознав

то, что мы испытали. Но подобное вербальное выражение, вероятней всего, будет неполным, корявым и неясным. Даже само понятие «красота» используется неоднозначно и часто в очень широком и неопределенном смысле (например, мы говорим о прекрасной погоде, прекрасном результате, прекрасной зарплате и так далее). Поэтому мы можем воспользоваться чужим эстетическим опытом, лишь подтверждая его своим собственным опытом, то есть вспоминая то эстетическое восприятие, из которого он возник. Но это не означает, что эстетика осуждена на субъективизм и релятивизм. И хотя эстетическое восприятие субъективно и всегда отмечено индивидуальностью того субъекта, который его испытывает, оно все же имеет объективную основу – *сам эстетический объект*. Чем больше восприятие сконцентрировано на объекте, тем больше оно следует исключительно инструкциям, присущим структуре объекта, не поддаваясь произвольным смещениям субъективной фантазии, тем больше и прочнее будет объективность воспринимаемого содержания. Одним словом, чтобы достичь этой объективности, эстетическое восприятие нуждается в определенной подготовке и дисциплине. Только на этом пути можно избежать великой угрозы эстетическому вкусу и культуре искусства в целом: фальсификации эстетического опыта.

³⁵ Фальсификация возникает из двух источников. Один – это тот, о котором мы уже упоминали: он состоит в ограниченности самого субъекта, узости его духовного горизонта, его тенденции объяснять все теми схемами, к которым он привык и в соответствии с его собственными особенностями. Другой – есть *имитация или мимикрия*, которая в социальной жизни играет такую важную роль, как положительную, так и отрицательную.

³⁶ В оценке вещи мы часто судим не независимо, не на основе своего собственного опыта, но следуя примеру других. Мы часто следуем за мнением нашего социального окружения, общества или определенных авторитетов. Это влияние общественного мнения утверждает его почти во всех сферах культурной жизни. Его эффект позитивен, поскольку оно воспитывает и улучшает вкус и суждение подрастающего поколения. Но оно превращается в негативный фактор, если способствует слепому и рабскому подражанию. И нигде более это подражание не укореняется так легко и прочно как в сфере искусства и эстетики. Многие склонны верить, что они реально получают наслаждение от определенных произведений искусства и чувствуют их красоту; но на самом деле, они не понимают их эстетической ценности и судят так только потому, что то или иное произведение положительно оценено другими или это соответствует веянию моды. Поступая таким образом, они обманывают не только других, но и самих себя, обычно неосознанно. Очевидно, что подобная фальсификация эстетического опыта чрезвычайно опасна для подлинной художественной культуры. Она препятствует эстетическому воспитанию, искажает художественный вкус и редуцирует ценность красоты к пустой фикции. В эстетике, как и во всей духовной культуре, искренность и правда являются наиболее важными вещами. Но только те способны ими обладать, кто постоянно контролирует и углубляет свой собственный эстетический опыт.

Примечания:

1. Его взгляды более полно рассматриваются в части IX, Глава 2, Секция Б.
 2. Следует отметить, что с аналогичными трудностями сталкивается психология. В конце концов, интроспекция, которая сама по себе имеет прямой доступ к нашим внутренним переживаниям, основана на установке сознания, позволяющей субъекту видеть происходящие психические процессы со стороны; это не только разрушает непосредственность интуитивных переживаний (эмоций, чувств), но также частично препятствует или изменяет их течение.
-

Aesthetics

Vasiliy Seseman

Abstract

Keywords:

Publication date: 20.12.2021

Citation link:

Seseman V. Aesthetics // Studies in Transcendental Philosophy – 2021. – V. 2. – Issue 3 [Electronic resource]. URL: <https://transcendental.su/S271326680018221-3-1> (circulation date: 14.05.2024). DOI: 10.18254/S271326680018221-3

Код пользователя: 0; Дата загрузки: 14.05.2024; URL - <http://ras.jes.su/transcendental/s271326680018221-3-1> Все права защищены.